

— Циньвань, не волнуйся, я отведу тебя к нашему сыну, не переживай...

Лян Цзяньлянь обращался к Тянь Фан по её домашнему имени, которое редко использовал, опасаясь, что люди сочтут их поведение подражанием крупным помещикам. Но сейчас Тянь Фан была явно не в себе, и он не мог больше сдерживаться. Осторожно сопровождая её к двери отделения неотложной помощи, Лян Цзяньлянь чувствовал, как холодный пот струится по его спине.

Тянь Фан пристально смотрела на дверь отделения, и, пока Лян Цзяньлянь беспокоился о сыне, он также внимательно следил за её состоянием.

— Циньвань, не волнуйся, они только что вошли, давай сначала поешь, — Лян Цзяньлянь, видя, как Тянь Фан едва притронулась к еде, принес её недоеденный завтрак и добавил к нему немного лапши, которую приготовил для Лян Цзивэня.

Тянь Фан не слушала его, её глаза были прикованы к двери отделения, словно в любой момент её сын мог выскочить оттуда, полный энергии.

День!

Неизвестно, было ли это из-за её напряжённого взгляда, но через короткое время дверь отделения открылась.

— Доктор, как мой сын?

Как только дверь открылась, Тянь Фан, словно стрела, выпущенная из лука, бросилась к врачу, задавая вопрос с тревогой. Её мысли путались, они только что вошли, неужели это значит, что с Лян Цзивэнем... Она не осмелилась продолжить эту мысль, заставив себя остановиться.

Врач, хмурясь, заставил Тянь Фан и Лян Цзяньляня почувствовать, будто чья-то рука сжала их сердца, и они с тревогой ждали результата.

— Это... нам трудно сказать. Раны молодого человека в порядке, внутренние органы также не повреждены, сейчас он в безопасности.

Услышав это, они немного успокоились, но следующая фраза снова заставила их сердца сжаться.

— Если он не проснётся к вечеру, то неизвестно, сможет ли он вообще когда-нибудь очнуться.

Тянь Фан почувствовала, как мир вокруг неё начал вращаться, но, вспомнив, что её сын ещё не пришёл в себя, и зная, что Лян Цзяньлянь не справится с уходом за ним, она почувствовала, как силы вернулись к ней.

Не дожидаясь слов Лян Цзяньляня, Тянь Фан быстро доела остатки завтрака, взяла тёплую воду и протёрла лицо и руки Лян Цзивэня. В душе она молилась, чтобы солнце не спешило заходить, медленнее, ещё медленнее!

Тянь Фан с отчаянием смотрела на часы в больнице, которые медленно приближались к одиннадцати.

Лян Цзяньлянь ушёл за обедом, так как больничные порции были ограничены, и, если не прийти вовремя, можно было остаться ни с чем. Даже сегодня утром, придя рано, он долго

стоял в очереди.

На улице было сумрачно, словно отражая настроение Тянь Фан.

Она механически протирала руки Лян Цзивэня, раз за разом.

Внезапно Тянь Фан почувствовала, как её грубая ладонь слегка пощекотали. Она широко раскрыла глаза, её руки, изнурённые ежедневной работой, уже давно потеряли былую нежность, ладони были покрыты мозолями, и этот лёгкий, едва заметный жест казался ей иллюзией.

Тянь Фан пристально смотрела на маленькую руку в своей, и через некоторое время мизинец этой руки снова пошевелился. Она не могла поверить своим глазам, прикрыв рот рукой, боясь потревожить это крошечное движение.

Лян Цзивэнь чувствовал, будто его тело разрывают на части, словно тысячи муравьёв грызут его кости. В этом мучительном состоянии он ощущал и лёгкую прохладу, его меридианы слегка нагребались, словно многолетние преграды постепенно исчезали.

С трудом открыв глаза, он увидел, как Тянь Фан держит его руку, словно он — кусок льда, покрытый тонкой коркой.

Лян Цзивэнь попытался улыбнуться, и Тянь Фан сразу же уронила слезу. Она плакала уже два дня, и, когда эта слеза скатилась, она почувствовала, как глаза снова наполнились влагой, но в груди разлилась радость, смешанная с болью.

Лян Цзивэнь попытался позвать маму, но горло было настолько сухим, что он не мог произнести ни слова. Тянь Фан быстро налила чашку воды и, осторожно приподняв её, дала ему попить, боясь, что он подавится или что после травмы ему нельзя пить слишком много.

Лян Цзяньлянь, беспокоясь, поспешил в палату, собираясь утешить Тянь Фан, но увидел, как его бледный, но уже с лёгким румянцем сын поднял голову и посмотрел на него.

После суматохи врач провёл Лян Цзивэню простой осмотр. Кроме потери крови и недоедания, внешние раны уже были обработаны, и ничего серьёзного не было. Врач также сказал Тянь Фан и Лян Цзяньляню, на что следует обратить внимание, и выдал им двухдневный талон на специальное питание.

Хотя люди с недоеданием могли купить специальное питание в больнице, в эти времена таких людей было много, поэтому для получения талона нужно было не только иметь справку и больничный документ, но и достаточно серьёзные травмы. Те, кто мог уйти домой, не получали места в больнице, а те, кто оставался, не всегда получали талон.

— Вэнь проснулся! Смотри, что папа тебе купил!

Лян Цзяньлянь сначала замер, а затем с радостью поставил перед ним миску лапши. Лапша была смешана с грубым зерном, выглядела сероватой, но блестела больше, чем чисто грубая лапша. Хотя бульон был прозрачным, иногда можно было увидеть капли масла. Даже такая миска стоила девять центов и одну единицу продовольственного талона.

Тянь Фан открыла миску лапши, купленную утром, и положила яйцо, которое стоило десять центов, в новую миску, аккуратно кормя Лян Цзивэня с палочек.

Лян Цзивэнь съел всю лапшу, но от яйца отказался, чуть не доведя Тянь Фан до слёз, съел только желток и больше не хотел есть.

Хотя он съел только желток, Тянь Фан успокоилась, накрыла оставшуюся половину яйца миской и разделила почти три четверти лапши в миску Лян Цзяньляна, прежде чем сама начала есть.

Лян Цзяньлян менее чем за минуту съел свою миску каши и половину лапши, затем поставил миску перед Тянь Фан и пошёл за горячей водой.

Тянь Фан молча доела оставшуюся лапшу Лян Цзяньляна и начала чинить одежду Лян Цзивэня, которую дикий кабан разорвал в клочья.

Эта лапша вовсе не была остатками Лян Цзяньляна, он просто хотел, чтобы она съела больше. Все эти годы он всегда был так добр к ней.

Лян Цзивэнь, после того как Тянь Фан поела, пристально смотрел на неё, точнее, на её рукав. Тянь Фан, чиня одежду, время от времени смотрела на Лян Цзивэня, убеждаясь, что он сидит спокойно и не потерял сознание.

Лян Цзивэнь обычно тоже пристально смотрел на людей, но Тянь Фан, посмотрев несколько раз, почувствовала что-то неладное, и через некоторое время поняла — обычно, хотя Лян Цзивэнь и смотрел на людей, его глаза быстро становились пустыми, но сегодня в них был яркий блеск.

В голове Тянь Фан возникла странная мысль, она не могла поверить, но не могла сдержать своего волнения, осторожно спросила:

— Вэнь, ты хочешь пить? Мама купит тебе сладкой воды, хорошо?

Увидев, что Лян Цзивэнь долго не реагирует, она почувствовала разочарование, но не слишком сильное. Разочарований было так много, что она уже привыкла.

— Ма... мама.

Тянь Фан услышала хриплый голос, ей показалось, что она парит в воздухе, словно это было плодом её воображения, но через несколько секунд она снова услышала:

— Мама, грязно...

Последнее слово было неразборчиво, но Тянь Фан услышала его ясно.

— Вэнь, что ты сказал?

Тянь Фан не могла поверить, подняла голову, словно торопясь получить подтверждение от Лян Цзивэня, напряжённо глядя на его лицо.

— Ма... мама...

Лян Цзивэнь с трудом шевельнул губами, снова назвав её, и Тянь Фан сразу же засияла от радости.

— Вэнь, скажи ещё раз...

Тянь Фан дрожала от волнения, торопясь услышать подтверждение.

— Мама...

<http://bllate.org/book/16557/1510489>